

12 августа
2015 года

№60(1244)

СЛОВО

В начале
было Слово,
и Слово
было
у Бога,
и Слово
было Богом...

7

Литературный проект. Писательская организация «Слово» в газете «Димитровград»

Открытый межрегиональный фестиваль авторской песни «Ломы» давно зарекомендовал себя как уютный фестиваль в лучших традициях бардовского open-air, в то же время являющийся ярким культурным событием в жизни региона, собирающий на своей поляне до пяти тысяч участников. «Ломы» – это более 24 часов звучания, признанные авторы и новые имена, концерты «классики» жанра, концерт в формате «открытый микрофон», конкурс авторской песни для желающих показать себя или получить совет опытного мастера. Немало неожиданностей и разнообразия в фестивальную жизнь вносит альтернативная «околожанровая» площадка

Организаторы

Ульяновская молодежная общественная организация «Клуб авторской песни» при поддержке министерства искусства и культурной политики Ульяновской области, комитета по делам молодежи, физической культуре и спорту администрации города Ульяновска, администрации муниципального образования «Ульяновский район».

Директор фестиваля - Олег Дмитриев.

Художественный руководитель - Татьяна Галушкина.

Зачем народ из города опять в Ломы приехал

В этом году в Ломы наша компания отправилась, скорее, из любви к традициям, нежели из горячей заинтересованности и желания окунуться в творчество того или иного любимого исполнителя. XIII фестиваль обещал пройти по-домашнему тихо, без блеска звездных имен. Поклонники «Ломов» поговаривали о скором затухании фестиваля, об отсутствии энтузиазма самих организаторов, о необходимости менять формат и т. д. Вопреки же самым пессимистичным прогнозам поляна собрала какое-то невероятное количество народа. Палаточный городок пророс и в лесной чаще, и на берегах озера. Люди приехали семейными кланами, с головой окунаясь в музыкально-бивуачную жизнь. И, как это нередко бывает, отсутствие известных артистов, собирающих на своих концертах практически все население поляны, позволило насладиться творчеством начинающих авторов и исполнителей, познакомиться с, может быть, менее броским и эффектным, но не менее интересным и

привлекательным музыкальным искусством представителей Пензы, Тольятти, Казани, Самары, Москвы, Саратова. Некоторые исполнители, не пройдя первый тур жесткого конкурсного отбора, тем не менее использовали возможность выступить на сцене «Перепутье» (ранее «Позитив»), немало порадовав слушателей и поклонников. Воодушевившись опытом всевозможных фестивалей, гости поляны взяли в свои руки организацию внеконцертного досуга детей и взрослых. Юные витязи, к примеру, учились стрельбе из лука. Была организована фотолаборатория в русском стиле, где можно было примерить богатырскую кольчугу, «старинный» сарафан или быть запечатленным в землянке времен Великой Отечественной войны в форме красноармейца.

В одном из лагерей была организована ни много ни мало «Студия игры на гитаре и балалайке», и занятия проводили молодые, мегапозитивные сотрудники ульяновского Музея балалайки, кстати, единственного в мире

(г. Ульяновск, ул. Ленина, 78, арт-пространство «Квартал», Музей балалайки).

Мы познакомились с энергичной, умной и красивой женщиной Валентиной Усовой, которая, невзирая на погодные условия, проводила на поляне своеобразный мастер-класс по вождению хороводов. Мы танцевали белорусский танец плодородия, русский хоровод-квадрат со множеством замысловатых фигур, водили индейские ритуальные хороводы, играли в традиционные славянские игры. Подчиняясь заданному ритму, повторяя, как мантру, ту или иную подпевку, мы будто входили в транс, ощущая энергетику Земли и друг друга, заряжаясь внутренней силой от совершенно незнакомых людей и получая невероятный духовный опыт.

Гостями фестивальной поляны стали студенты Ульяновского государственного университета. Они с интересом наблюдали за происходящим, стараясь успеть всюду: принести воды из родника, поднимаясь по скользкому после дождя, глинистому

склону, взять пару уроков игры на балалайке, отведать ухи из свежей рыбы, послушать песни у огромного количества костров и со сцены. И если в первый день ребята и девочки привлекали своей экзотической внешностью и то и дело становились арт-объектами для множества фотообъективов, то накануне отъезда были уже неотъемлемой частью фестиваля и даже пели под гитару песни своей родины.

Лично я в этом году редко выбиралась к большой сцене, и вовсе не от того, что мне пришлось творчество любимой Екатерины Болдыревой, «Баумана-33» или «Витаминок». Мне хотелось исследовать истоки народной любви к фестивалю, к сценкам. Ведь большая часть людей, если не большая часть людей, практически не покидают свой лагерь. Они абсолютно счастливы в своей самодостаточности. Песни у их костров звучат самые разнообразные, подчас далекие от традиционной авторской – чаще всего, это русский рок, и подпевают и совсем юные, и убежденные сединами меломаны. Бродя от лагеря к лагерю, наблюдая и

разговаривая с представителями различных социальных и возрастных групп, я, кажется, поняла, зачем мы едем в Ломы (на «Грушу», «Крутушку», «Былину» и т. п.). Услышать (и спеть) много хорошей музыки – да! Обучиться новому ремеслу – да! Посмотреть, чем дышат жители иных городов и весей, – безусловно! Повидаться и пообщаться со старыми друзьями, приобрести новые знакомства – конечно! Но главное, нам, разобщенным с себе подобными, запертым в своих квартирах-работах-будничной суете, не хватает душевного тепла и возможности услышать друг друга, не хватает тишины, звучащей в бескрайней звездной ночи даже во время самого разудалого концертного действия, не хватает самих звезд... А значит, мы снова встретимся в Ломях, через двадцать лет или через десять, будет это фестиваль авторской песни или разножанровые площадки. Как поется в индейской песне: там хорошо, где будем вместе мы...

**Инга ГААК
Фото Игоря Улитина,
Вадима Острикова,
Алексея Кобелева**

НА ТОМ БЕРЕГУ

РАУЗА ХУЗАХМЕТОВА

ЗАВТРАК У ПРЕДВОДИТЕЛЯ

Решено! На Первое мая едем с палатками за Волгу!

Желание провести праздники вместе было сильнее опасности простыть – погода была довольно прохладной и земля еще не достаточно прогрелась. Но что нам – молодым – погода! И хотя мы виделись на работе каждый день, часто проводили вместе и выходные, так что предложение было принято единогласно.

И вот мы с рюкзаками и палатками стоим на пристани. Все уже собралось, но Пашка – наш вожак по турпоходам – все медлил, всматриваясь вдаль. Наконец, он, довольно улыбнувшись, произнес:

– Андрюха!

Все повернули головы в ту сторону, куда он смотрел, и увидели приближающегося к нам молодого мужчину с огромным рюкзаком. Я не была с ним знакома, но знала, что он работает в соседней лаборатории этажом выше. Появление красивого мужчины вызвало у наших девушек радостный гул одобрения.

«Львиная грива», – неохотно подумала я о новичке, не желая поддерживать общий восторг.

В самом деле, у него была удивительно густая красивая шевелюра. Обменявшись приветствиями, мы спустились к теплоходу, прошли на верхнюю палубу, уселись, и наше путешествие началось.

Любое путешествие тем и замечательно, что ты уже никуда не торопишься. Нет ни времени, ни пространства. И только полное блаженство и радостное принятие всего, что сопровождает тебя. Но прогулка по воде – это что-то особенное. Мы плыли по большой речной глади, оставляя город с его спешкой и проблемами, и уходили к другому берегу, где царят чудное безмолвие, простор, чистый воздух, неторопливое течение жизни на природе, полная свобода от суеты. Мимо проплывали незнакомые берега, проходили большие корабли, добавляя привлекательности и романтизма в наше путешествие, а мы сидели на скамейках среди рюкзаков и радостно болтали.

Высадившись на маленькой пристани на другом берегу, мы пошли за Пашкой цепочкой вдоль реки. Пашка, чувствуя ответственность за всю группу, то и дело подгонял нас, а нам не хотелось никуда спешить. Я шла самой последней, глядя по сторонам, разглядывая берег с кромкой воды с одной стороны и негустым лесом с другой. Ветки кустов были еще голыми, но сам воздух, пропитанный какими-то весенними запахами, говорил о близкой теплой зеленой весне. Было ощущение радостного ожидания, предвкушения какого-то расцвета.

К вечеру палатки уже стояли на месте, костер горел, дрова на всю ночь были припасены, а мы сидели вокруг костра и, согретые приготовленным ужином, о чем-то говорили, смеялись, дурачились. Сумерки уже спустились на берег. Кто-то взял в руки гитару, и мы начали петь. Гитара еще не дошла до нас по кругу, как мы с Ольгой запели русскую народную песню на два голоса. Я очень люблю петь народные песни, а здесь, на берегу, в темноте, в прозрачной тишине это протяжное двухголосье, со-

провожаемое только легким всплеском речной волны, звучало очень красиво.

– Вот это да! Чистая терция! – восхищенно произнес Андрей, глядя на меня.

Я улыбнулась ему в ответ. Мы пели еще и еще, а потом снова говорили, смеялись. Андрей внимательно разглядывал меня, прислушивался к моим словам. Мне было приятно это внимание. Разговаривая с другими, мы взглядывали друг на друга сквозь темноту и завесу дыма от костра, как бы стараясь узнать друг друга.

Ночная прохлада забралась за воротники, и было решено согреться, побегав по поляне, потолкавшись плечами. Все убежало во тьму, оглашая ее криками и смехом. Я осталась у костра. То и дело подбегал Андрей, радостно глядя в мое лицо своими темными, глубокими глазами и о чем-то спрашивая. Я так же радостно ему что-то отвечала, и он снова убежал потолкаться, подурочиться с друзьями.

Потом мы снова сидели у костра, и только к утру все стали расходиться по палаткам. Спать не хотелось. Мы с Андреем остались и еще долго сидели, глядя на огонь и тихо разговаривая, пока нас не позвали в палатку. Но и улегшись рядом с товарищами, мы так и не смогли уснуть, переполненные разговорами, эмоциями, какими-то новыми впечатлениями, и только тихо смеялись и шептались в темноте.

Решив, что все равно не уснем и лучше не мешать спать другим, мы выбрались из палатки и пошли к реке. Легкий рассвет уже бродил по берегу, цепляясь за ветки. Кусты стояли еще голые, но почки были уже сильно набухшими. Казалось, они только и ждут тепла, чтобы явить миру свою нежную зелень, которая в некоторых местах уже просвечивала.

Мы подошли к тихой воде, умылись, а потом разворошили остывшие угли в костре и согрели чай. Вскоре к нам стали подтягиваться изрядно продрогшие в палатках походники. Снова начались разговоры, смех, шутки, разгорающиеся, как дрова в костре, все громче и веселее. Солнце поднималось выше и выше, становилось теплее. Новый день, полный радостного беззаботного отдыха и веселья, начинался.

Весь день я старательно опускала глаза, чтобы скрыть свои мысли, но Андрей так часто обращался ко мне и наши взгляды были такими красноречивыми, что друзья что-то поняли о нас и молча с этим согласились.

Вечером, когда мы шли обратно к маленькой пристани, как-то получилось, что мы с Андреем шли вдоль берега одни. Андрей шел впереди, то и дело поворачиваясь и фотографируя меня. Видимо, он хотел забрать с собой мое лицо, улыбку, глаза, чтобы не расставаться с ними. Мне было приятно так думать, и я шла, радостно улыбаясь. Большой красивый корабль подобрал нас на пристани, и мы снова поплыли по реке мимо крутых берегов, унося в себе какие-то новые впечатления.

Майские праздники были большими, и я уехала в другой город навестить родителей. Все-таки я простыла, и мне пришлось немного поболеть. Девчонки уже вышли на

работу и периодически звонили мне, рассказывая, что Андрей то и дело заходит и, грустный, расспрашивает, когда же я приеду. Я, радостно улыбаясь, слушала девчонок, не признаваясь им, что и сама, не переставая, думаю об Андрее.

Выздоровев, я помчалась обратно. Я не была в городе всего несколько дней и удивилась произошедшей в нем перемене. Дождавшись, наконец, постоянного тепла, почки на кустах и деревьях брызнули своей зеленью, окутав их нежным облаком. По всему было видно, что этот теплый зеленый весенний ветер будет теперь бушевать все сильнее и сильнее, одевая кусты и деревья в изумрудные наряды.

С трудом дождавшись утра, я полетела на работу. Веселые приветствия сотрудников, новости – все каким-то кувырком пронеслось в моем сознании. Я перебирала бумаги, не вникая в их содержание. Все во мне было радостное ожидание.

Что-то заставило меня выйти из машинного зала, пройти по коридору и подойти к ступенькам. Я услышала шаги поднявшегося вверх человека и остановилась, как вкопанная. Запах, едва уловимый запах, который я уже не спутала бы ни с каким другом – запах молодого мужчины в сочетании с запахом табака и мужских духов – заставил забиться мое сердце сильнее.

«Андрей пришел!» – промелькнуло в голове.

Мир вокруг меня взорвался мощными торжествующими аккордами, и струны моего сердца, радостно вздрогнув, запели новую красивую песню.

Мы учились в десятом классе. Мы – это четыре одноклассницы-отличницы. Мы были очень дружны и довольно много времени, свободного от занятий, проводили вместе. Ходили на каток, катались на лыжах, гуляли и фотографировались в лесу, ходили в кино или просто по городу. Часто мы бывали дома у одной девочки из нашей «четверки». Она была круглой отличницей, «шла» на золотую медаль, и мы бесспорно отдавали ей лидерство, считая самой умной из нас. Но, пожалуй, лучшим ее достоинством было то, что днем у нее дома не было родителей – кстати, очень милых, дружелюбных людей, с которыми мы с удовольствием общались при встрече. А пока мы могли свободно ходить по большой квартире, листать книги из домашней библиотеки, разглядывать какие-то особенные статуэтки и красивую посуду, привезенные ими из Сибири. В доме было пианино, и под аккомпанемент хозяйки мы репетировали песни, которые потом пели на школьных концертах. Еще мы вместе решали сложные задачи по физике, обсуждали наряды к предстоящему школьному вечеру, дела в классе – да мало ли о чем могут говорить семнадцатилетние девчонки, собравшись вместе!

Иногда мы делали стенгазету. Эта работа вызывала особенно много энтузиазма, обсуждений, споров, смеха. Дело в том, что делали мы эту стенгазету в пику той «розовой», приглаженной, которую выпускала редколлегия, выбранная на классном собрании. А мы

были «самозванцами», но в своей газете продерживали недостатки в классе, размещая фотографии с острыми сопроводительными текстами. Наше воодушевление подкреплялось ожиданием удовольствия, которое мы получали, вывесив эту газету в классе – она производила эффект разорвавшейся бомбы.

Вдоволь наспорившись, насмеявшись, мы с удовольствием садились пить чай, предлагаемый хозяйкой дома. Не могу сказать точно, как это повелось, но как-то вместе с чаем к столу стала подаваться домашняя наливочка. И вот с этого момента наши сборы в этом доме мы стали называть «завтраком у предводителя». В те времена каждый уважающий себя огородник, каковыми являлись и родители нашей предводительницы, ставил домашнее ягодное вино, некрепкое, сладкое. Вот его мы и отливали из большой бутылки в маленький графинчик, не забывая долить в бутылку воды из-под крана, дабы родители не заметили пропачки. Нам доставалось чуть-чуть – по маленькой рюмочке, но для того, чтобы еще громче и беззаботнее звучал наш смех, этого вполне хватало. Нас пьянил сам тот факт того, что мы делаем что-то запрещенное. Почему-то потом мы старались показать друг другу, что мы совершенно трезвые, и старались пройти ровно по одной половине в длинном коридоре. Кому пришла в голову эта идея, не могу сказать, но это было весело. Слыша усиленные крики и смех за закрытой дверью, к нам на-

чинала рваться сестренка нашей предводительницы, чтобы если уж не поучаствовать, то хотя бы посмотреть, что же там делается. Когда ее душевные силы заканчивались и она начинала ревевать, мы впускали ее в комнату и заставляли петь песню. Польщенная таким вниманием, она вытягивалась в струнку и старалась изо всех сил, а мы покатывались со смеху, глядя на нее, а потом снова выгоняли за дверь.

Когда мы наконец были готовы покинуть этот гостеприимный дом, началась самая, на мой взгляд, острая по ощущениям часть нашей встречи. Я – непоседа, и одевалась и собиралась быстрее всех, первая выходила на лестничную площадку и потом еще долго и медленно спускалась по ступеням вниз, оборачиваясь и ожидая, когда же, наконец, девчонки договорят, оденутся, заберут свои вещи, выйдут и закроют дверь. Когда они выходили на площадку, продолжая что-то обсуждать, мое терпение заканчивалось. Желая ускорить процесс, я срывалась с места и, подбежав к дверям, нажимала на все кнопки звонков и летела потом вниз по подъезду через несколько ступенек, не забывая нажимать на все встречающиеся на моем пути звонки у дверей. Что творилось за моей спиной! Девчонки, крича и ругаясь, быстро сменились общим хохотом. Успокоившись и отдышавшись, мы чинно шли затем по улице, как и подобает примерным девочкам. И это происходило всякий раз, когда мы выходили от нашей предводительницы, и я всегда удивлялась, почему никому из девчонок не придет в голову, что я снова это сделаю, и почему никто не догадается хотя бы раз опередить меня и заставить пролететь по подъезду в последних рядах.

После окончания школы мы разъехались в разные города учиться в институтах, и у каждой началась своя жизнь. Но судьба через несколько лет снова свела нас в нашем небольшом городке. И теперь, приходя к своей подруге в гости и поднимаясь по ступенькам того самого подъезда, по которому мы когда-то летели вниз со всех ног, я невольно улыбаюсь, вспоминая веселые школьные времена, и мне становится немного жаль, что теперь мы – примерные работницы, примерные матери – не можем вот так, как раньше, беззаботно, никуда не торопясь и не о чем не беспокоясь, собраться вместе, посмеяться, подурочиться. Что уже не получится лететь вниз через несколько ступенек, съезжать по перилам, не бояться нажать на кнопку звонка у чужой двери, громко кричать и смеяться в подъезде или идти по улице и хором петь песни. Немного жаль, но радость при воспоминании того, что было, и того, что мы сами были молодыми, веселыми, сильными, гораздо больше. Гораздо!

ПАЛИСАДНИК И КОРОМЫСЛА

В конце переулка, на третьей улице деревни, у поворота дороги в город жила тетя Шамшельнисса в маленьком деревянном домике с еще меньшим палисадником напротив двух окон, где росли два дерева и трава. А что там еще могло расти, если каждый день палисадник был бесплатным складом для коромысел, кирзовых и резиновых сапог, больших калош и других вещей, оставленных сельчанками перед поездкой в город. А добирались сначала в кузове, а потом уже и на автобусах по асфальтной дороге. Бидоны с молоком женщины несли на плечах, на коромыслах с разных концов деревни к оставленной сапогами непролазную грязь. Поднявшись на грейдерную дорогу, уложенную белыми камешками - щебенкой, они переобувались в туфли, сандалии, тапочки, калоши, а сапоги вместе с коромыслами бросали

в палисадник, и - более культурные - ехали в город. После продажи молока своим личным хозяйкам, купив на вырученные деньги сахар, масло, спички, соль, женщины к обеду возвращались в деревню, и каждая забирала свои вещи из палисадника. Поблагодарив тетю Шамшельниссу, если та была в это время рядом, расходились по домам. Не было случая, чтобы кто-то что-нибудь украл. Так же делала и моя мама, и Нуржиян-апа, моя тетя, с которой я иногда ездила в город подавать молоко, покушать мороженое, поглазеть на городской чистый народ, на светлые витрины магазинов, где красовались наряженные манекены, куклы, часы, ткани, абажуры, зонтики...

В конце восьмидесятых я приехала в отпуск в родное Сабакеево из Таджикистана. Таяли счастливые дни встречи, и вот уже надо ехать в го-

род за билетами на самолет. С ночи шел сильный дождь. Утром заиграло солнце, но дороги раскисли, без сапог - никуда. Что делать? Я нашла в чулане отцовские резиновые сапоги до колен, примерила. Мама рассмеялась. В черном блестящем платье и в такой обуви я выглядела нелепо.

- Наша деревенская грязь тебе не твой асфальтный город. Я пошла задами, прихватив сумку с туфлями. Подошла к дому Шамшельнисс-апа. Палисадник был пуст. Постучалась. Дверь открыла пожилая женщина, не узнавшая меня. Мы не виделись лет десять. Я осмотрела двор. О! Все коромысла и сапоги перекечевали сюда, висят, стоят ровным рядом вдоль забора.

- Апа, неужели вы меня не помните? Я дочь Нади. Я со своей теткой Нуржиян-апа ездила в город, когда была маленькой, мы еще оставля-

ли коромысла и сапоги в нашем палисаднике.

- А ты какая по счету дочь? Первая или последняя? У Нади много дочерей!

- Я - первая. Я вас помню молодой, красивой.

- Улетели молодые да красивые годы, доченька. Тебя не помню. Нуржиян помню. Да, летит жизнь как дым. Уже другие времена. Кругом шпана, ворье. Теперь все закрываем на замки, а не как раньше, в старину: воткнешь в дверной засов палочку или щепочку и уходишь на работу, и никто не войдет, все знают, что в доме никого нет.

Я сняла сапоги, переобулась в туфли. От воспоминаний на глаза навернулись слезы. Надо же, до сих пор живет деревенская традиция, которую помню с детства. Уйдет сельчанка в мир иной, как моя тетя Нуржиян, и найдется ли еще добрая душа? Кто будет бесплатно охранять чужие вещи в своем дворе у остановки?..

ГАЛИЯ
ХАЛИУЛЛОВА

ОСЕНЬ

Вот и лето потянулось
к югу,
В позолоте осени округа.
Над Кулябом клики
журавлей,
Клин за клином с родины
моей.
Серебрится паутинкой
бабье лето,
Дом отцовский, как ты,
где ты?
Мне бы крылья - над
землей взлететь,
На предел родимый
поглядеть...

ДАНО ЛИ?

Когда страданье сковывает
и гасит жизнь, дано мне
искать в словах лицо
на сложные вопросы
волю
не молчать,
незримой доли,
отвечать.
Но трепетную радость
ожиданья
дано ли отделить от суеты,
Объяв душой незримые
черты,
построить ясный облик
мироздания?

ТУМАН

Усталость дня легко
и удивленно
Уходит прочь из тела моего,
Когда навстречу люди,
Неясный лик и больше
ничего.
То грустный взгляд,
то странная улыбка,
То взмах руки плывут
навстречу мне.
Мои переживания и ошибки
Слабеют здесь, со мной
наедине.

СУДЬБА

Судьбою, кажется, зовется
Тот путь, что велено пройти.
Она то плачет, то смеется,
То заставляя нас грустить.

Следы блаженства и печали
В ее изменчивом лице.
Мы что-то знаем о начале,
Совсем не зная о конце.

Но вечно манит призрак
странный -
За ним тропа людей легла.
То птицей-жар сверкнет
желанной,
То когти выпустит орла.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Вот показалось солнце
из-за тучи,
Лучи прошлись по мокрому
песку,
Потом все выше,
по заросшей круче
На противоположном берегу.

Кругом грозой взлохмаченное
небо,
А лес уже божественно сиял:

АЛЕКСАНДРА БЕЛОВА

Такую фосфорическую
Зеленых красок медленно
В реке от туч таинственная
И золото прибрежного песка,
Тут - каплями сверкающая
Там - молнии зигзаг
небыль
являл!
темень,
зелень,
издалека.

Не суесловье, нет!
Не суеверье!
За что мне это? Чем смогу
воздать?
За это неземное откровенье,
Редчайшую земную
благодарь.

В ПОСЛЕДНЕМ ВАГОНЕ

Знал ли ты, как пронзительно
ясен
Из-под ног убегающий путь,
Как вдали затаенно
прекрасен
Мир, который уже не вернуть.
Русский Север! Березы,
осины,
В сумрак елей вбегают сосны,
Растворяясь в задумчивой
сини.
Зачарованная сторона!

ВСЕ ЕСТЬ ДЛЯ СЧАСТЬЯ НА ЗЕМЛЕ

Все есть для счастья
на земле,
Веселой, солнечной
и круглой,
Теплом пронизанной,
уютной -

Все есть для счастья
на земле:
Весенних ливней новизна
И зноя летнего истома.
Привычный ритм родного
дома,

Снегов упавших белизна.
Доброжелательность друзей,
Успех проделанной работы,
Наш смех, живой

и беззаботный,
Наивность милая детей.
И постоянный непокой,
И бесконечная мятежность.
Вечерних зорь призыв

и нежность,
Любимых рук желанный зной.
Любовь, друзья, желанье
жить -

Все есть для счастья
на планете.
Чтоб вечно жили блага эти,
Их надо бережно хранить.

ГОЛУБОЙ КАРАВАН

Как хочется взлететь, оказаться среди таинственных журавушек, курлыкающих высоко над нами, детишками с одной улицы. Стоим, задрвав головенки, и провожаем их взглядом в сторону леса. Эх, почему у нас нет таких крыльев!

Рафик, мой сосед, держа руки в карманах брюк, сказал:

- Интересно, за нашим лесом какая страна находится, что там? Куда же они летят? Давайте за ними побежим!

Я развязала косыночку, машу птицам. Со мной рядом бегут братик Раис, сестренки Жамиля и Салима, подруга Рауза, она тоже сняла косынку, развеваются белые волосики.

- Эй, журавлики, возьмите нас собой! - кричит она в небо.

За нами, без конца подергивая спускающиеся штанишки, бежит Миннахмет, тоже что-то кричит.

Добежали до последнего двора, где живет моя любимая Нуржиян-апа в малень-

ком игрушечном домике. Она смотрит на нас, улыбаясь:

- Куда бежите? Да не догоните уж их!

Треугольник постепенно скрылся за огромным лесом, начинающимся сразу за лугом. Вот и последнего журавлика не видно. В голове, в душе осталось лишь протяжное курлыкание, будто попрощались они лично с нами, с деревенской улицей, с нашей родиной, с лесом, загоревшимся уже осенним пожаром. У меня сжалось сердце, будто что-то улетело вместе с ними и от меня... Подступили слезы, уже не хотелось играть в «клетки», по-нашему, в «мак». Сели в кружок у дороги, стали спорить, кто первый увидел журавлей. Именно тогда я впервые посмотрела на одного из мальчишек другими глазами. Неожиданно что-то внутри защемило, и я уже постеснялась еще раз на него взглянуть. Это чувство первой детской любви до сих пор ношу в себе, оно живет во мне, не исчезая.

Я с ним так свыкла, как

и с чувством печали от невозвратимости детства...

Повзрослев, увидела клин журавлей над азиатским городом Кулябом, куда меня забросила судьба. Я шла по улице, пытаюсь сдержать слезы. А они бежали сами по себе, и спасали солнцезащитные очки.

Шел 1992 год. В Таджикистане гражданская война. Начался голод, не было ни муки, ни хлеба. В Куляб стали привозить первые партии убитых и раненых. Нас терзал постоянный страх, русскоязычный народ спешно уезжал на родину, остающиеся чувствовали себя никому не нужными...

Журавли летели в жаркие страны через Таджикистан из России, из моих краев! Они летели через Куляб ноябрьским днем, выстроившись клином. И опять, как в детстве, замечалось захотелось улететь вместе с ними, но не в далекие края и страны, а домой, скорее домой, на Родину! К матери, к отцу, в село у сказоч-

ного леса... В наш деревенский дом с синими наличниками и цветущим палисадником, в дом, где на столе стоит пытящий самовар с заварочным чайником над крышечкой, где от свежее выпеченного хлеба с горбушкой идет головокружительный запах, вкуснее и роднее всех на земле. Где от отца, пришедшего с поля, с тока, так славно пахнет зерном и травами; где само присутствие мамы - светлая радость; где в окно с ветерком проникают ароматы укропа, помидорных кустов, смородин и цветов; где зеленая трава по щиколотку прямо у ворот; где от кудахтанья курицы, только что снесенной яйцо, и пения петуха становится умиротвореннее на сердце...

С такими мыслями, живо воображая себе деревенские картинки, иду по улице Куляба. Нескончаемая грусть охватывает меня, я не нахожу себе места. И опять как будто что-то улетело от меня в далекое далеко с журавлями...

А МАХНЕМ-КА...

Вал десятый грядет?
Или – буря в стакане?
Что с того, что проблем
снова сверх головы...
А махнем-ка туда,
где в Большом Черемшане
на тишайшем закате
стоят голавли.
Словно птицу, Луну
придержу на ладони.
В глубине лунных глаз –
изумления свет.
Ты услышь тишину.
Отрешись от погони
за собою самим –
столько зим, столько лет...

Легок всплеск на воде
и отраднa прохлада.
Кем-то вкопан в песок
просто слаженный стол.
Здесь поверишь, что жизнь
протекает как надо.
Из-под рук так достойно голавлик
ушел...

До звездного вечера
восторгом звена,
откроешь доверчиво,
что любишь меня.

А сердцу польщенному
поверить легко
(что нужно еще ему?!).
И так далеко

до дней ощущения
часов и минут
прощания, прощания...
Как хрупок уют!

К столбам Геркулесовым
кроят паруса.
За морем, за лесом ли -
ты встретишь глаза...
Сонета достойная,
высокая бровь.
Простая история.
Иная любовь.

Моя - не изменится,
она – на роду.
И все перемелется.
На шаг отойду...

Одно на нас солнышко,
одни облака.
Всю выпью до донышка
я жизнь. А пока...

Час нотой пропетую
вернет в тишину.
- Где ж долго?... – посетую.
Метнусь я к окну:

- Сынуленька, миленький, -
окликну, - домой!
Пока еще маленький.
Пока еще – мой.

ПИНО

Мелькнул он, как в цветном кино,
Сентябрь близ Голубинки.
Где гроздь тяжелая пино
Нам слаще голубики,
Струилось солнце до локтей,

А пыль стекала с соком
В бред перестроечных страстей
О бренном и высоком.
Еще не жглись вражды костры,
Не явлено подлянки,
Когда две кровные сестры
Друг другу – иностранки,
А новоиспеченный пан
Нас бы послал по мове.
Но наш «отряд» сюда попал
Еще до дикой нови.

Лафа в гостях! И взяв подряд
Не то чтобы от скуки,
Мы стригли крымский виноград
И мыли соком руки.
Длинна лоза, закат в глаза.
Отбой! И до постели,
В душе срывая тормоза,
Мы с песнями летели.
На украинском, русском ли
Мелодия ласкала.
А до конца петь не могли –
Дороги было мало.
Ах, кто купил и что продал?!
Но капля наша вроде
Стекла в Массандровский подвал
И в темноте там бродит.

Давай, дружок, на посошок.
И мы не зря старались.
Нам с вами было хорошо.
И вряд ли мы расстались.
Но где тот Крым, случайный дар,
Былой любви излучки?
Заморское Пино-Нуар,
Горчит вино разлики...

Я ОЧНУЛАСЬ...

На носу лист живой - наклейкой.
В золотой упаду песок...
А перо и тетрадь в линейку
Лезут в дрему, нарушив слог
Сна, что так начинался славно.
Тень плела надо мной ветла.
- Ты пиши, - кричит Марь Иванна, -
Лето - где и как провела...

Сколько лет заблудилось в чаще,
На тропинках, бегущих в дом...
Вспоминать о прошедшем часе –
Где ты, память? Ау! Подъем!
Солнца зайчик снует по парте.
Что ж меня полонил озноб?
Не найду лето я на карте.
И звонок – будто выстрел в лоб!

Я очнулась, в испуг одета
С ног до кончиков всех волос,
Побелевших от жизни этой,
Как трава, где прошел покос.
Ведь давно далеко уж «за...» мне,
А душа и во сне не спит.
Все какой-то сдает экзамен,
Что как меч надо мной висит.

Не понять, это что за черти
Лезут в голову, хоть убей!
Светлой аурой день очерчен.
Небо – где еще голубей?!
И мобильный звонит, что где-то
Ждут меня. И весьма тепло.
То ли я проводила лето,
То ль оно меня провело...

КРАПИВА

И змея же ты, крапива,
Только бы стрекала.

А водичкой окропило –
что с тобою стало!
Для тебя ль, зеленоглазой,
дождь и солнце – разом?
Ах, придачная зараза,
хороша ты в стразах.
От какого же лекала,
от какого кроя
четкость кружева такая,
строгий зубчик края?
Никчемущая как будто,
но когда-то - было -
помогала ты кому-то,
будто бы любила.
А цветешь – нет, не фиалки.
Да и мне - до розы...
Мы с тобой провинциалки,
обе – дикоросы.
Кинем взгляд вверх забора –
годы пробежали.
Мы в порядке, нет тут спора.
И уже - не жалим...

ВЕЧЕР

Синь пролив в пролеты улиц,
Вечер ловит голоса.
Ветры легкие шепнули
Про любимые глаза.
И о том, как за закатом
Уплывают невзначай
Ссор прохладное стакато,
Жаркий шепот у плеча,
Как легка в луче рассветном
Губ горячих немота...

Был ли вечер? Было ль это?

Вечер был. И было лето.
И томится неспроста
В ожидании поэта
Тайна чистого листа.

МОЖЕТ БЫТЬ...

«У холста стою, как у окна» -
Так художник выставку озвучил.
Что стою не так, не значит – лучше.
Мне иначе улица видна.

Гомонят девчонки за окном
И сосут украдкой сигареты.
Ярок день, но он им фиолетов.
Не о них штрихи, я - о другом.

Вот с мольбертом в парк, что у реки,
Любопытный следует прохожий.
Поспешу за ним, хоть мне, быть может,
Все его задумки не с руки.

Но когда палитру он открыл,
Карандаш убрал (наточен остро),
Стал писать - как будто очень
просто -
Отойти мне вдруг не стало сил...

Долго белой завистью томлюсь:
Как ему такое удается?!
Все под кистью плачет и смеется,
Вызывая радость или грусть.

Вот бы мне, когда я намолчусь,
Прописать в словесной акварели
Меж словами: «жили» и «старели»
Непростые полутоны чувств.

А пока, увы, пройдя свой путь,
Мне Луна с улыбкой говорила:
«Ты опять стихами насорила...»
Может быть. Но, кажется, чуть-чуть.

РАИСА КАШКИРОВА

ПРЕВРАЩАЯ В МУЗЫКУ СЛОВА...

Звездная дорожка вьется лентой,
превращая в музыку слова, -
этот мир не стал обыкновенным,
в нем совсем не все как дважды два.
Если ты, как прежде, веришь в чудо,
то оно само тебя найдет,
если я твоею песней буду,
значит, песне тоже повезет.
На гитаре мне сыграй надежду -
ей аккомпанирует успех,
если веришь в счастье ты, как прежде,
значит, эта музыка - для всех.
Я тебе желаю вдохновенья,
петь без вдохновения нельзя.
Если улыбнется день весенний,
то почувствуй сердцем - это я...

НОЧНОЕ НЕБО ИСКРОЙ ЗВЕЗДНОЙ...

Ночное небо искрой звездной
на краткий миг озарено -
желай, люби, пока не поздно,
пока в душе не пусто, но...
В порыве веры безоглядной
не трать напрасно жаркий пыл
на ту, что не любила жадно,
как ты, мой друг, ее любил...

И ЛЕГКО, И ВДОХНОВЕННО

И легко, и вдохновенно льются
образы и рифмы
и волнуют словом пенный
поэтический прибор.
Словно вырвавшись из плена,
вдруг к себе притянем их мы,
орошая неизменно прозаичный
берег свой.
И отчаянно взбурлит слог волною
песнопенной,
заискрится чистой гранью
и отточенной строкой.
И родятся на странице –
стихозвучно сотворенны
из любви или страданья –
дети сферы неземной...

ДЕЖАВИЮ

Я здесь уже была... Щемяще
и знакомо
таинственный портал мерцает
в толще лет,
скользит на острие ментального
излома
в обрывках дежавю опознанный сюжет.
Мгновенье промелькнет невидимую
тенью,
оставив легкий след касания времен.
...И снова оживет неясное сомненье,
что этот вечный мир единожды
рожден.

МАРК БЕНЬ

Пусть я малость пьян, маску
скорби скинь,
Я, конечно, Ян, ты, конечно, Инь.
По одной судьбе на одной волне.
Я чуть-чуть в тебе, ты чуть-чуть
во мне.

Ты черна как смоль, а я бел
как лунь,
Так что в сумме – ноль.
Или даже нуль.
И стоят дворцы, и летят скворцы,
Мы с тобой творцы
или просто Ци.

Просто сиянь светом бытия
Круг из Инь и Ян, то есть ты и я.
Просто мы даем жизнь всему
вокруг,
Просто мы вдвоем замыкаем круг.

Замыкаем в круг и любовь, и боль,
Обращаем вдруг безысходность,
в ноль.
Обращаем в прах ложь, беду
и страх,
Страх грядущих плах, страх гореть
в кострах,

Страх поверить, что каждый –
божий раб,
В то, что – рупь за сто! – Дарвин
все же прав.
Пусть от обезьян род ведут
глупцы.

Ты же – Инь. Я – Ян.
Мы с тобою - Ци.

И хоть ляг на дно, пей в кино
вино,
Пусть все прахом, но мы с тобой -
одно.

Пусть я малость пьян, маску
скорби скинь,
Я, конечно, Ян, ты, конечно, Инь...

ЛИДИЯ СТЕПАНОВА

САКСОФОН

Саксофон, погрузи со мной вместе,
Нам вдвоем будет легче грустить.
Спой свою задушевную песню,
В этой песне все звуки – про жизнь,
В этой песне – безмерность
разлуки,
В ней - иллюзий расплывчатый сон,
В ней – сердечные вечные муки,
Боль, с душою моей в унисон.
Пусть мелодия чувственно-нежно
Уведет в тот заоблачный край,
Где Любовь расплескалась
безбрежно...
Может, там начинается рай?
И наивной души моей трепет
Пусть сольется с фантазией нот.
Саксофон, погрузи со мной вместе!
Пусть душа в твоих звуках плывет...

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Когда печалью полнится душа,
Иди тропинкою в зеленый лес,
Найди одну полянку не спеша,
Наполненную тайною небес.
В полянку эту неба синева
Как будто ненароком пролилась,
А легкая зеленая трава,
Как обрамленье чуда, поднялась.
Здесь милых колокольчиков приют.
Ты слышишь серебристый
перезвон?
Как будто нежно ангелы поют,
Как Божий глас звучит со всех
сторон.
И вот уже оттаяла душа,
И тихим счастьем полнится она,
И снова жизнь легка и хороша,
И снова умыслом Творца полна.